

Weisberg D. 1993: A mār banūtu Text from the Town of Hubat // *Nouvelles assyriologiques brèves et utilitaires*. 83, 547–556.

Wunsch C. 2003: Urkunden zum Ehe-, Vermögens- und Erbrecht aus verschiedenen neubabylonischen Archiven // *Babylonische Archive*. Dresden.

REFERENCES TO THE «HOUSE OF FREE MAN» IN BABYLONIAN DOCUMENTS

M. A. Dandamayev

The paper presents an analysis of the expression *bīt mār banī* (literally «house of a freeborn man») in Babylonian documents of the 6th century BC. Various opinions were given regarding this term. According to M.T. Roth, it was a special physical shelter for widowed and divorced women without living parents. This opinion was refuted by G. van Driel, who thought that there was no ground to consider this term as a name for a kind of asylum. The author of the paper joins this view, assuming that the term in question was used to designate a house of a freeborn citizen.

© 2011 г.

А. И. Иванчик

НОВЫЕ ГРЕЧЕСКИЕ НАДПИСИ ИЗ ТАХТИ-САНГИНА И ПРОБЛЕМА ВОЗНИКНОВЕНИЯ БАКТРИЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ¹

Статья посвящена греческим надписям, обнаруженным при раскопках Тахти-Сангина (храм Окса) в 2004–2007 гг. Надписи дают новую информацию об использовании греческого языка в Бактрии позднеллинистического и раннекушанского времени, а также о проблеме формирования бактрийской письменности.

Ключевые слова. Бактрия, храм Окса, Тахти-Сангин, греческие надписи, бактрийские надписи, бактрийский язык.

Языковая ситуация в эллинистической Бактрии довольно хорошо известна. Вряд ли могут быть сомнения в том, что большая часть ее населения говорила на бактрийском языке, относившемся к юго-восточной группе иранских языков. Тем не менее в течение всей эллинистической эпохи, как и в предшествующее время, этот язык был бесписьменным. Письменность на бактрийском языке была создана лишь в кушанскую эпоху: первые известные бактрийские надписи

Иванчик Аскольд Игоревич – член-корреспондент РАН, научный руководитель Отдела сравнительного изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории РАН, главный редактор «Вестника древней истории».

¹ Данная статья основана на докладе, представленном на конференциях «Zwischen Ost und West – neue Forschungen zum antiken Zentralasien» (Mannheim, 30.9–2.10.2009) и «Древность: историческое знание и специфика источника» (Москва, 14–16.12.2009). Благодарю П. Бернара, П.Б. Лурье, Ж. Ружмона, Н. Симс-Уильямса и С.Р. Тохтасьева, прочитавших ее рукопись, за ценные замечания и обсуждения.

относятся к эпохе царя Вима Такту², деда знаменитого Канишки, однако время возникновения самой письменности не установлено. Эта письменность была создана на основе греческого письма (при этом часть букв имеет формы, восходящие к греческому курсиву), что уже само по себе свидетельствует о распространенности и значении греческого языка в Бактрии, причем не только в эллинистическую, но и постэллинистическую эпоху³. В самом деле, в эллинистической Бактрии главным письменным и, очевидно, официальным языком был греческий. В последние годы появились новые данные, касающиеся использования греческого языка и греческой письменности в Бактрии в конце эллинистической эпохи, во II в. до н.э. Они происходят из раскопок в Тахти-Сангине, знаменитом храме Окса в Южном Таджикистане, расположенном на западном (таджикском) берегу Амударьи, поблизости от места слияния Вахша и Пянджа, образующих эту реку.

Раскопки Тахти-Сангина начались по инициативе Б.А. Литвинского и велись с 1976 по 1991 г. под руководством Б.А. Литвинского и И.Р. Пичикяна. Раскрытый здесь храм Окса постоянно оставался в центре научных интересов Бориса Анатольевича, посвятившего ему ряд публикаций, в том числе монографических⁴; последняя его книга (2010) также касается этого памятника. Я рад, что могу посвятить памяти этого выдающегося ученого статью, связанную с Тахти-Сангином, которому он придавал такое значение. Данная работа продолжает начатые им исследования, хотя и анализируются в ней находки, сделанные после прекращения его работ на Тахти-Сангине⁵.

Рассматриваемая группа документов была обнаружена в ходе раскопок 2004–2007 гг. на территории обширного двора, расположенного к востоку от храма (так называемый теменос). В его южной части была раскрыта бронзолитейная мастерская (котлован на раскопах 17 и 18), в которой, среди прочего, изготавливались бронзовые котлы, предназначенные для посвящения в святилище⁶. Изготовление объектов посвящения на месте, очевидно, из пожертвованного посвятителем металла избавляло его от необходимости транспортировки тяжелого и довольно хрупкого предмета. При раскопках обнаружены фрагменты не менее семи керамических форм, предназначенных для отливки котлов. На венчиках по меньшей мере трех из них должны были находиться надписи. Они наносились на предварительно изготовленную восковую матрицу рельефными буквами, состоявшими из восковых валиков. На глиняной форме буквы отпечатались в зеркальном отражении. Соответственно при отливке соответствующая надпись оказывалась нанесенной рельефными буквами на устье котла.

---

² Надпись из Дашт-и Навура, принадлежащая этому царю, а также незавершенная надпись из Сурх-Котала, видимо, датируются 93 г.: Salomon 2005, 375, ср. Sims-Williams 2004, 2–3. О проблемах кушанской хронологии, см. также Loeschner 2008, с литературой. Ср., однако, сомнения в атрибуции этой надписи царю Вима Такту: Fussman 2001, 271–274; автор предпочитает ее относить царю Вима Кадфизу и предполагает, что Вима Такту умер до восшествия на престол и никогда не правил.

³ О значении греческого языка в постэллинистической Бактрии, см. Cribb 1998.

⁴ См. прежде всего Литвинский, Пичикян 2000; Litvinskij, Pičikjan 2002; Литвинский 2001; 2010.

⁵ Раскопки на Тахти-Сангине возобновились в 1998 г. под руководством А. Дружининой, см. ее отчеты, публиковавшие в АМІТ начиная с 2001 г. (том 33). Благодарю А. Дружинину, предоставившую в мое распоряжение фотографии некоторых публикуемых здесь памятников.

⁶ Drujinina 2008; Дружинина, Худжагелдиев 2009; Druzhinina, Khudzhageldiyev, Inagaki 2010; Boroffka, Ivantchik, Mei in print, а также см. статью Н. Бороффки и Цзян Цзун Мэя в этом номере.

Надпись на форме 2007 г.

Одна из этих надписей, обнаруженная в 2007 г., сохранилась полностью (рис. 1–3). Она уже стала предметом предварительной публикации А. Дружининой⁷, однако есть смысл вернуться к ее рассмотрению, поскольку автору публикации разобраться в ней не удалось. Часть формы, служившая для отливки верхней части котла (высота 40 см), сохранилась полностью в яме, где должна была проводиться (но по каким-то причинам проведена не была) отливка, ее диаметр по венчику составляет 1,1 м (реконструируемый диаметр венчика котла 1,0 м); длина надписи составляет 3,19 м. Надпись располагалась на бордюре, который после отливки должен был соответствовать плоскому, отогнутому наружу, венчику котла; ширина бордюра от 7,6 до 8,5 см.

Чтение надписи сомнений не вызывает:

ΕΙΣΘΕΟΝΚΑΤΑΦΡΑΖΥΜΕΝΑΑΝΕΘΕΣΕΙΡΩΜΟΙΣ *vac.* ΝΕΜΙΣΚΟΥΜΟΛΡΠΑ
ΛΡΗΣΧΑΛΚΙΟΝΕΓΤΑΛΑΝΤΩΝΕΠΤΑ.

Больше проблем со словоделением и интерпретацией текста, и здесь приходится в ряде случаев отказаться от толкований, предложенных в первой публикации.

Начало надписи особых сложностей не представляет: оно читается следующим образом:

Εἰς Ὅξον κατὰ φραζύμενα.

Несмотря на то что смысл понять можно, уже по первым словам очевидно, что составитель посвяtitельной надписи весьма неважно владел греческим языком. Εἰς Ὅξον, очевидно, обозначает адресата посвящения. В греческих посвяtitельных надписях имя божества стоит обычно в дативе («посвятил Зевсу, Аполлону» и пр.). Именно такова формулировка в происходящем из Тахти-Сангина посвящении Атросока, которое составлено на правильном греческом языке, несмотря на иранское имя посвяtitеля: Εὐχὴν ἀνέθηκεν Ἀτροσώκης Ὅξωι – «по обету посвятил Атросок Оксу»⁸. Посвяtitельная формула с εἰς также встречается, но всегда с названием святилища или храма, за которым следует имя бога в генетиве – εἰς τὸ ἱερόν или τὸν ναὸν + Gen. или εἰς Ἀσκληπιεῖον и подобные. Сочетание «εἰς + имя

⁷ Drujinina 2008, особенно 128–132 = Дружинина, Худжагелдиев 2009, 107–136, особенно 114–119, со ссылкой на помощь Б. Беттгера, ср. Hansen, Wiczorek, Tellenbach 2009, 366, Kat. Nr. 263, с фотографией. Ср. также Druzhinina, Khudzhageldiyev, Inagaki 2010, 72–76, где интерпретация оставлена прежней, хотя и внесены некоторые изменения после ознакомления с рукописным текстом моего доклада на конференции в Маннгейме (сентябрь 2009 г., см. выше прим. 1). Статья Вексина 2010 была мной получена уже после завершения данной работы и ее сдачи в печать и не могла быть учтена при ее написании. Некоторые из предложенных М. Вексиной интерпретаций близки моим, другие не могут быть приняты. В частности, предположение о том, что текст надписи – стихотворный, опровергается собственным анализом автора: даже после многочисленных натяжек и изменений долгот ad hoc ему не удастся получить ничего похожего на греческий стих. Судя по отсутствию ссылок на мой доклад в Маннгейме, М. Вексина, в отличие от А. Дружининой, с его рукописью знакома не была. Надпись также вошла в подготовленный Ж. Ружмоном корпус «Inscriptions grecques d'Iran et d'Asie Centrale», который скоро должен выйти в составе серии «Corpus inscriptionum iranicae» (№ 96bis). Ж. Ружмон согласился с большей частью моих интерпретаций, известных ему по рукописи доклада в Маннгейме, за исключением объяснения последовательности ΚΑΤΑΦΡΑΖΥΜΕΝΑ (см. ниже). Благодарю Ж. Ружмона, приславшего мне рукопись соответствующей леммы его корпуса и согласившегося обсудить со мной разные аспекты интерпретации этого текста.

⁸ Литвинский, Виноградов, Пичикян 1985; см. теперь Rougemont sous presse, с обширной литературой.

Рис. 1. Форма для отливки котла с греческой надписью (Тахти-Сангин, раскопки 2007 г.). Фото Г. Линдстрем. По: Hansen, Wiczorek, Tellenbach 2009, 366, № 263

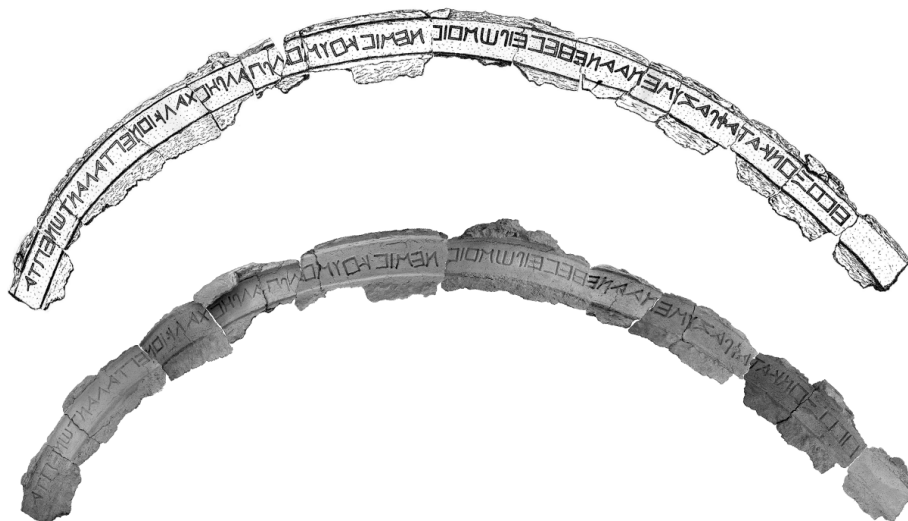

Рис. 2. Надпись на форме для отливки котла. По: Drujinina 2008, 130, Abb. 10

Рис. 3. Надпись на форме для отливки котла в зеркальном отражении. По: Drujinina 2008, 131, Abb. 11

божества в аккумулятиве» в посвяtitельной формуле невозможно в нормальном греческом языке и, насколько мне известно, более не встречается. По-видимому, в данном случае мы имеем дело со свидетельством начавшегося в греческом языке уже в эллинистическую эпоху отмирания дательного падежа; в первые века нашей эры, в частности в Малой Азии, он настолько часто замещается генетивом и аккумулятивом (чаще первым – тенденция, возобладавшая в новогреческом), что К. Брикс, например, ставит под сомнение его существование в разговорном языке этой эпохи. Кроме того, отмечается его смешение с конструкцией директива – εἰς с аккумулятивом (отсюда в новогреческом τόν, τήν, τό с аккумулятивом вместо исчезнувшего датива)⁹. В египетских папирусах случаи употребления εἰς с аккумулятивом вместо датива известны уже в III в. до н.э., однако в течение эллинистической эпохи заметна разница в употреблении этой конструкции и собственно датива. Конструкция с εἰς используется в значении «предназначенный для кого-то или чего-то», «выдать для кого-то», тогда как непосредственная связь предиката с объектом («выдать кому-то») продолжает выражаться дативом (иногда в одной фразе: «выдать кому-то (датив) для кого-то (εἰς с аккумулятивом)»)¹⁰. Очевидно, по этой причине конструкция с εἰς нередко встречается в финансовых документах, но никогда – в посвящениях. Ее выбор в данном случае, кажется, беспрецедентный в греческой эпиграфике, очевидно, свидетельствует о том, что составитель надписи даже разговорным греческим языком владел не очень хорошо: εἰς Ὅξον можно перевести «для Окса».

Необычны и следующие затем слова: κατὰ φραζύμενα. Предложенная А. Дружининой интерпретация: чтение в одно слово как катаφραζύμενα и интерпретация этого слова как «hinter dem Namen der Gottheit stehendes Attribut» с переводом «neu erstanden» oder «wiederbelebt» совершенно невозможна. Достаточно сказать, что причастие стоит в аккумулятиве множественного числа среднего рода и соответственно никак не может относиться к имени божества, которое является, естественно, именем мужского рода в единственном числе. Откуда взялось предлагаемое значение слова, также непонятно – глагол катаφράζω означает «объявлять», в медиальном залоге – «размышлять»¹¹. По-видимому, надо читать κατὰ φραζύμενα (эта форма – нигде более не засвидетельствованный гапакс) = κατὰ φραζόμενα и переводить «в соответствии со сказанным/заявленным», т.е. «обещанным». Таким образом, речь идет о посвящении по обету. В обычном греческом словоупотреблении используется формулировка κατ' εὐχὴν – «по обету». Ближе к нашему случаю формулировка κατὰ (τὴν) ἐπαγγελίαν – «согласно заявлению или обещанию, согласно взятому обязательству», которая, правда, в культовом контексте встречается редко¹². Слово φραζόμενα близко по значению ἐπαγγελία, хотя и не является его точным синонимом¹³. Следует отметить, кроме того, и форму слова: нормальная

⁹ Humbert 1930, 161–197; Dressler 1965, 83–107; Brixhe 1987, 95–100.

¹⁰ Mayser 1934, 356–357, особ. Anm. 1, 3.

¹¹ Ср. LSJ, s.v.

¹² Ср., например: Bohn, Schuchhardt 1889, 41–43.

¹³ Ж. Ружмон (Rougemont sous presse, No. 96a) не убежден предложенной мной интерпретацией, к которой независимо склонялся и П. Бернар, однако другого объяснения не предлагает и предпочитает оставить вопрос открытым. В частном письме он пишет, что в предполагаемом мной смысле ожидалось бы что-нибудь вроде κατὰ τὰ πεφρασμένα (перфектное, а не презентное, причастие с артиклем). В действительности использование презентного причастия φραζόμενα в значении «сказанное», которое я предполагаю здесь, отнюдь не является уникальным. Поиск по TLG позволяет обнаружить целый ряд таких примеров (например: *Herod.* VIII. 88; *Xen.* IV. 3, 11; *Plut.* De Pyth. or. 407f). Необычно не само значение «сказанное», а его сдвиг к значению «заявленное, обещанное». Что касается

форма причастия от φράζω – φραζόμενα. Таким образом, *омикрон* здесь заменен на *ипсилон*. Отмеченное в данном случае смешение *омикрона* и *ипсилона*, очевидно, отражает особенность произношения греческих слов бактрийцами. В эллинистическом койне нормой было использование *ипсилона* для передачи палатального /i/, однако оно могло использоваться для транскрипции и иноязычного /u/ и /v/, как показывают, например, передачи латинских слов, где *ипсилон* используется для транскрипции латинского звука наряду с диграфом *омикрон-ипсилон* (например, κεντύρια, κεντυρίων, Σεύηρος). В бактрийском не было палатального /i/, и этот звук в греческих словах бактрийцами, очевидно, произносился как /u/; в то же время /o/ произносилось уже, чем в греческом; это, видимо, приводило к смешению двух звуков при восприятии на слух. Такое смешение отражается в греческих передачах иранских имен, где /u/ могло отражаться и как *омикрон*, и как *ипсилон*, см., например, Marduniya – Μαρδόνιος, *Ādusta- – Ἀδοσθος, *Manuštana – Μενοστάνης, Kuruš – Κύρος / Κόρος, *Rtuka- – Ῥοτύκας, *Aruša- – Ἀρούσης, Bagabuxša – Μεγάβυσος, *Paruš(y)ātiš – Παρουσάτις¹⁴, ср. также передачу сарматского *stura- в именах, засвидетельствованных боспорскими надписями: Στυρακος (КБН 1181), Στυρανος (КБН 708, 1282, 1283) и Στορανη (КБН 744)¹⁵. Это подтверждается тем, что в бактрийском письме *омикрон* служил для обозначения не только /o/, но и /u/¹⁶. На греческих легендах ранних кушанских монет *омикрон* также часто передает бактрийское /u/, которое в легендах тех же монет, написанных письмом кхарошти, передается как u, например: Κοζο(υ)λα – Kuḥula/Kuyula, ΚΟΡΡΑΝΟΥ, ΧΟΡΣΑΝ(Ο)Υ и под. – kuṣaṇa¹⁷.

Следующее сочетание букв представляет собой, вне всякого сомнения, аористную форму глагола ἀντίθῃσι, «посвящать», обычную в посвяtitельных надписях. Вопрос, однако, в том, что это за форма, и от его решения зависит определение границы со следующим словом. Учитывая, что имя посвяtitеля стоит в единственном числе, здесь ожидалась бы форма единственного числа ἀνέθηκε. Однако эту форму можно восстанавливать только если предположить здесь сокра-

артикла, то, в самом деле, его отсутствие противоречит нормам греческого языка и единственное примлемое объяснение, которое я вижу – тот факт, что составитель надписи плохо владел греческим языком. В этой же короткой надписи есть еще один пример, где отсутствует ожидаемый артикль: перед χαλκίον ожидался бы артикль τό, но его нет (ср. однако надпись на другой форме, где он, судя по всему, присутствует, см. ниже; ее составитель, видимо, лучше владел греческим). Пропуск двух артиклей подряд, притом, что интерпретация текста во втором случае не вызывает никаких сомнений, вряд ли может быть случайностью: видимо, автор надписи испытывал затруднения с использованием греческих артиклей, которые в его родном бактрийском использовались иначе. Другие особенности надписи, не объяснимые из греческого, также находят свое объяснение в бактрийском (см. ниже). Скептицизм Ж. Ружмона объясняется в первую очередь тем, что он считает методически недопустимым объяснять темные места греческих надписей предположением о том, что их автор плохо знал греческий («si vous allez par là, vous pouvez expliquer toutes les obscurités du monde»). В принципе, он, конечно, прав. Однако рассматриваемый случай особый: предположение о том, что греческий не был родным для автора надписи не делается ad hoc для объяснения одного темного места, а вытекает из ряда ее особенностей: негреческое имя и, вероятно, патронимик, должность, бактрийское название которой автор не захотел или не смог перевести на греческий, многочисленные – для такого короткого текста – фонетические и грамматические неправильности, необъяснимые из греческого, но в некоторых случаях объяснимых из бактрийского.

¹⁴ Tavernier 2007, 19, 102–103, 239 (1.2.23, 4.2.31, 4.2.1044), 528, 307, 113, 19, 14, 266 (5.5.1.34, 4.2.1549, 4.2.110, 1.2.9, 4.2.1240), с предшествующей литературой.

¹⁵ Vasmer 1923, 53; Абаев 1979, 304.

¹⁶ См., например: Sims-Williams 1989, 232–234.

¹⁷ Cp. Cribb 1998, 85.

щение ἀνέθ, а следующие затем буквы относить к личному имени¹⁸. Такое предположение представляется невероятным, учитывая тот факт, что в надписи сокращения не применяются. Принимая во внимание уже отмечавшееся слабое знание автором надписи нормативного греческого языка, следует предпочесть другую возможность. Здесь скорее можно видеть монструозную форму сигматического аориста ἀνέθεσε – образование по аналогии с формой 3 лица pl. aor. ἀνέθεσαν с нормальным окончанием 3 лица sing. aor. -ε (ἀνέθηκε). Подобные формы хорошо известны в разговорном, а затем позднегреческом языке, и генерализировались в новогреческом, хотя именно форма ἀνέθεσε в известных мне текстах не засвидетельствована. Имя дедиканта в таком случае будет читаться Ἰρωμοῖς¹⁹.

За глаголом «посвятил» следует, очевидно, имя и патронимик дедиканта, которые следует читать как Ἰρωμοῖς Νεμίσκου. Оба имени в таких формах неизвестны. Первое из них, похоже, иранское, однако в иранском ономастиконе близкого соответствия найти не удалось. Возможно, речь идет о композите с иранским *vīra- – «мужчина» в качестве первого элемента. Начальное иранское vi- нередко передается *иотой*: перс. Vindafarnah- – Ἰνταφέρνης, Vidr̥na – Ἰδέρνης / Ὑδάρνης²⁰, *vidant- в скиф. именах Ἰδάνθυρος и Ἰδανθεμς²¹.

Второе имя, вероятно, образовано с помощью греческого деминутивного суффикса -ισκος, нередко встречающегося в греческой ономастике, однако такое имя до сих пор засвидетельствовано не было. Оно могло быть образовано от имени Νεμίας, впрочем, крайне редкого (засвидетельствовано в Фокиде), или от Νεμεῖος, образованного, в свою очередь, от названия города Немея. Однако более вероятно, что это гипокористик от распространенного имени Νεμῆνιος < Νεομῆνιος (формы с гиферезой не редкость), от которого гипокористики образовывались довольно активно (упомянутое Νεμίας, возможно, тоже следует возводить к нему)²². Другая возможность интерпретации этого имени была предложена П.Б. Лурье (per litteras): по его мнению, здесь можно видеть передачу распространенного в кушанских именах суффикса -iška. К этой интерпретации склоняется и Ж. Ружмон (со ссылкой на мнение Ф. Грене)²³. Появление такого имени можно было бы связывать с началом проникновения юэчжей в Бактрию во второй половине II в. до н.э.

Вслед за именем и отчеством дедиканта идет сочетание букв ΜΟΛΡΠΑΛΗΝΣ. Судя по контексту, здесь ожидалось бы обозначение этника дедиканта²⁴, или его титула, или должности. Сочетание букв λρ, дважды повторяющееся здесь, невозможно в греческом языке, если речь не идет о цифрах. Однако оно вполне обычно в бактрийском. Так, известен город и область Μάλο, совр. Madr. Однако крайне ма-

¹⁸ А. Дружинина выделяет элемент ANEΘΕ, поясняя, что это «verkürzte Verbform, die vielfach in verschiedenen Inschriften auftritt». Это неверно: подобное «сокращение» в надписях не встречается, кроме того, остается непонятным, какая форма должна стоять, по мнению Дружининой, за этим сокращением.

¹⁹ Ж. Ружмон (Rougemont sous presse, No. 96a) указывает на возможность читать также: ἀνέθεσ' Εἰρωμοῖς, которую, однако считает (с чем я согласен) маловероятной и отмечает, что она ничего не меняет, поскольку ει в это время все равно произносилось как /i/.

²⁰ Mayrhofer 1979, II/28–29. В книге Tavernier 2007 соответствующие греческие формы почему-то не приводятся.

²¹ Marquart 1905, 93; ср. Schmitt 2003, 8; Тохтасьев 2005, 94–95.

²² См. разные их формы: Masson 1994, 167–173.

²³ Rougemont sous presse, No. 96a.

²⁴ А. Дружинина предлагает видеть здесь этникон, но предлагаемое ею его объяснение удивительно: она производит его от несуществующего греческого слова ΜΟΛΟΣ (якобы Ufer) и современного названия Parchor.

вероятно, что здесь указан этникон посвяtitеля. Город или область *Μολρπαλρο неизвестны, но еще важнее то, что в этом случае ожидалась бы форма с суффиксом, указывающим на происхождение, вроде *Μολρπαλρεϋς. Форма без такого суффикса позволяет думать скорее о названии какой-то бактрийской должности или титула. В начале легко распознается бактрийское слово μολρο – «печать»²⁵. Второй элемент этого слова можно возводить к *palr- < иран. *pati-dr/dr/dar/dār-²⁶. Это слово в бактрийских текстах не засвидетельствовано, но известно в согдийском (pδ'r, pδδ'r, с другой ступенью огласовки корня – «кормить, поддерживать, хранить, держать») и в хотаносакском (pader – «поддерживать, сохранять»), а также в осетинском (fædaryn), язгулямском (paδir < *pati-dr-, с той же ступенью огласовки) и др.²⁷ Название должности в таком случае переводилось бы «хранитель/держатель печати».

Наконец, завершение надписи вполне понятно: χαλκίον ἐν ταλάντων ἑπτά – «котел из семи талантов», очевидно, бронзы. Посвящения бронзовых котлов богествам, в том числе с посвяtitельными надписями, хорошо известны. Так, в делосских инвентарях храмового имущества (ID, IG XI, 2 passim) постоянно упоминаются котлы разных размеров, иногда уточняется, что на них нанесены надписи. Хорошо засвидетельствованы и находки самих бронзовых котлов в разных святилищах, например, в Олимпии²⁸. При упоминании котлов в надписях иногда указывается их объем, но не вес. В данном случае указание веса, очевидно, связано с тем, что в храм жертвовался не сам котел, а определенное количество весовой бронзы, из которой он должен был быть изготовлен на месте. Вес таланта в различных весовых системах варьировал от 25 до 39 кг. Но в любом случае речь идет о довольно значительном весе. Следует еще отметить форму предлога: в греческом языке озвончение ἐκ в ἐν обычно перед звонкими согласными, но ни разу не засвидетельствовано перед *ταυ*. Очевидно, речь идет опять о влиянии бактрийского произношения. В бактрийском языке *k* в конечной позиции часто переходит в *g*, в частности в словах, заканчивающихся продуктивным суффиксом *-aka (> *-ak > -(a)g).

Таким образом, надпись в целом можно прочесть и перевести следующим образом: Εἰς Ὁξον κατὰ φραζύμενα ἀνέθεσε Ἰρωμοῖς Νεμισκοῦ μολρπαλρης χαλκίον ἐν ταλάντων ἑπτά – «Иромойс, сын Немиска, держатель (или под.) печати, посвятил Оксу котел из семи талантов (бронзы) согласно обещанию».

Надписи на фрагментах 2004–2007 гг.

Вторая форма обнаружена при раскопках 2004 и 2006 гг. на расстоянии примерно 1 м к востоку от первой, в той же самой бронзолитейной мастерской. В отличие от первой вторая форма сохранилась очень фрагментарно²⁹. В 2004 г. было обнаружено 9 фрагментов с буквами, которые не сходятся встык (два из них состоят из двух сошедшихся фрагментов) (фрагменты А–I), а также крупный фрагмент венчика без надписи, свидетельствующий о том, что надпись занимала не всю его поверхность (рис. 4–5). Восстанавливаемый диаметр устья котла составляет 75–80 см, так что он был несколько меньших размеров, чем рассмотренный выше. В 2006 г. было

²⁵ Sims-Williams 2000, 206; 2007, 235, ср. композит с этим словом: μολροδηβρο – «seal-impresser».

²⁶ Объяснение второго элемента предложил П.Б. Лурье.

²⁷ Расторгуева, Эдельман 2003, 335–336; Cheung 2007, 58; ср. Gharib 1995, 271.

²⁸ E.g. Herrmann 1966; Gauer 1991.

²⁹ Дружинина 2005; Drujinina, Boroffka 2006; Drujinina, Inagaki, Hudjageldiev, Rott 2009; Boroffka, Ivantchik, Mei in print.

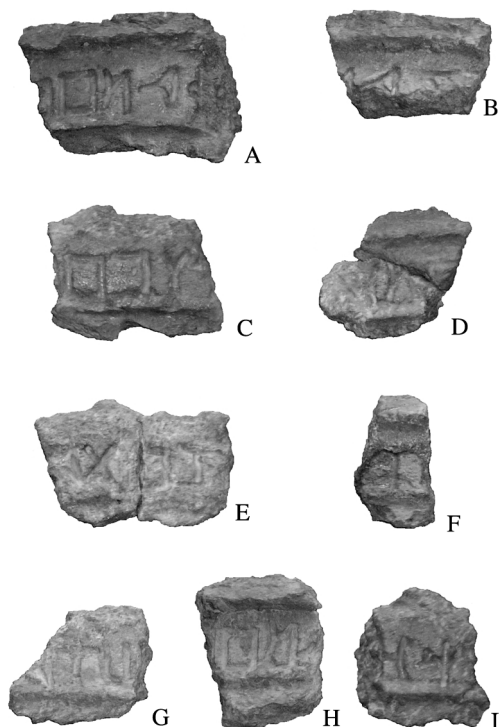

Рис. 4. Фрагменты формы с надписью
(Тахти-Сангин, раскопки 2004 г.).
Фото Н. Бороффка,
предоставлено А. Дружининой

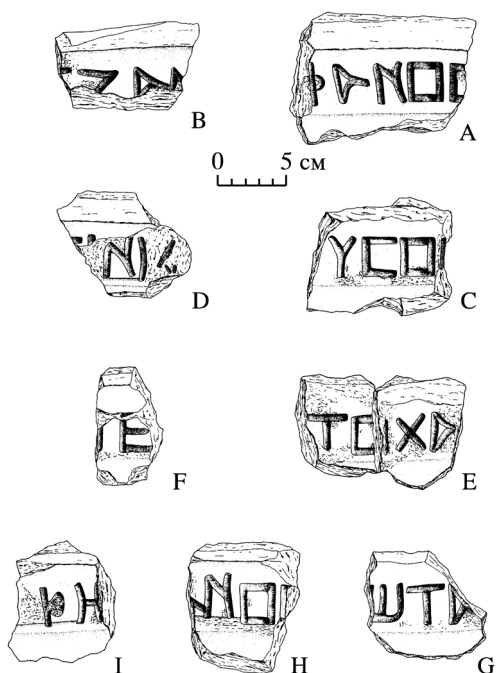

Рис. 5. Прорисовка фрагментов формы
в зеркальном отражении.
Рисунок Р. Бороффка

обнаружено еще два фрагмента (фрагменты J и K, рис. 6), также не сходящихся встык ни между собой, ни с фрагментами 2004 г. Высота букв 2,2–3,3 см.

Фрагмент А. 13,0 × 9,8 × 3,4: $\Phi\text{ANO}\Sigma$.

Фрагмент В. 10,7 × 6,6 × 2,9: $\text{E}\Sigma\text{A}\text{N}$. Перед *дзетой* конец верхней горизонтальной гасты, вероятнее всего, *эпсилон*.

Фрагмент С. 10,5 × 8,7 × 3,4: ΥSO . После *омикрона* остатки вертикальной гасты.

Рис. 6. Фрагменты форм с надписью (Тахти-Сангин, раскопки 2006 г.) в зеркальном отражении.
Фото предоставлены А. Дружининой

Фрагмент D. $10,5 \times 8,0 \times 3,3$: IN. Перед *иотой* конец верхней горизонтальной гасты (*гаммы, кси, сигмы, эpsilon* или *тау*), затем вертикальная вогнутая внутрь гаста и неразличимые остатки буквы справа от нее.

Фрагмент E. $12,4 \times 8,5 \times 3,5$: TOXA.

Фрагмент F. $5,2 \times 8,8 \times 3,0$: IE. Возможно, перед *эpsilon*ом находится другая буква, имевшая вертикальную гасту, например, *тау*.

Фрагмент G. $8,9 \times 8,0 \times 3,4$: ΩTA.

Фрагмент H. $8,5 \times 10,1 \times 3,2$: ANOΣ.

Фрагмент I. $8,0 \times 9,2 \times 3,2$: ΨH.

Фрагмент J. $9,0 \times 10,0 \times 3,0$: TE. Перед буквами *тау* и *эpsilon* в верхней части строки нанесена косая черта, возможно, имеющая случайное происхождение.

Фрагмент K. $9,0 \times 6,0 \times 3,0$: NΔ.

Учитывая значительную фрагментированность надписи и то, что на каждом фрагменте сохранилось немного букв (лишь в одном случае пять), ее восстановление может быть лишь предположительным; длина надписи также не может быть установлена. Более того, нет уверенности даже и в том, что все фрагменты относятся к одной, а не к нескольким однотипным формам. На это могут указывать некоторые различия в цвете и составе глины, но они могут объясняться и технологией изготовления форм. Фрагмент K во всяком случае относится к другой форме, чем большая часть этих фрагментов: он сходится с крупным фрагментом, обнаруженным в 2007 г. (см. ниже). Таким образом, предлагаемое восстановление текста, которое исходит из того, что фрагменты A–J относятся к одной форме, в значительной мере условно. Некоторую помощь при восстановлении можно получить благодаря сопоставлению с полностью сохранившейся надписью на первой форме и по контексту.

Пожалуй, наиболее уверенно в этой надписи можно восстановить название посвящаемого объекта: τὸ χα[λκίον] или τὸ χα[λκεῖον] – «этот котел» (фрагмент E). Конечно, использование артикля в этой надписи, в отличие от предыдущей, лучше соответствует нормам греческого языка и, возможно, свидетельствует о том, что автор этого посвящения владел им лучше.

На самом большом фрагменте A сохранилось пять букв: ΦANOΣ. По всей вероятности, это окончание одного из греческих имен на -фанос в номинативе (например, Φάνος, Ὑπερήφανος, Στέφανος и многочисленные композиты со οτέφανος: Καλλιότεφανος, Φιλοστέφανος, Πολυστέφανος и другие). Возможно и восстановление одного из имен с Фанос- в первой части (Φανόστρατος, Φανοσθένης). Условно предлагается восстанавливать имя Στέφανος как наиболее частотное. Буквы, сохранившиеся на фрагменте C, можно интерпретировать как остатки отчества. После хорошо сохранившихся букв ΥΣΟ здесь имеется еще черта, которая могла принадлежать одной из многих букв (особенно многочисленных, учитывая «квадратный» характер письма), начинающихся вертикальной гастой. Это может быть также и *дельта*, учитывая характер ее написания в бактрийском «квадратном» письме (ср. ниже). В пользу этой возможности говорит то, что гаста не строго вертикальна, а имеет легкий наклон вправо (ср. начертание *дельты* на фрагменте K). Как бы то ни было, сюда подходят многочисленные личные имена, имеющие в первой части имя Диониса (Διονυσογένης, Διονυσοθέων, Διονυσοκλῆς и пр., включая те, что имеют *дельту* после *омикрона*: Διονυσοδότος, Διονυσοδωρος). Условно предполагается восстанавливать последнее из этих имен как наиболее частотное. Судя по жанру надписи, речь идет об имени и отчестве посвяtitеля. Вслед за тем можно предполагать указание на его происхождение (этникон) и/или статус (например,

занимаемая должность), как это было в надписи на первой форме. Возможно, к концу этого эпитета относится фрагмент Н, на котором сохранились буквы ΑΝΟΞ. Наконец, восстановление несколько иной формулы, чем в первой надписи, позволяет предположить, что на фрагменте G, несущем буквы ΩΤΑ, сохранился фрагмент слов ὉΞ]φ τα[λάντων. Остальные фрагменты, сохранившие лишь отдельные буквы, не могут быть помещены в восстанавливаемый текст даже предположительно. Можно было бы предполагать, что фрагмент J принадлежал к началу надписи, судя по тому, что перед буквой *tau* сохранилось довольно широкое пустое пространство. Находящийся перед ней косой штрих имеет меньшую глубину, чем другие буквы, и, видимо, является случайным. Однако на первой форме (2007 г.) между именем и отчеством дедиканта имеется *vasat*, поэтому нельзя исключать того же и в данной фрагментированной надписи. Если фрагмент действительно начинает надпись, здесь можно предполагать имя дедиканта, начинающееся Τε-. Имен с таким началом, кончающихся на -φανος (в отличие от -φανης), не засвидетельствовано, но, как указывалось, нет уверенности в том, что все рассматриваемые фрагменты принадлежат одной форме.

В целом предлагаемое восстановление надписи выглядит следующим образом:

[Στέ]φανος [Διον]υσοῦ[ῶρου - - -]ανος [- - -] τὸ χα[λκίον ὉΞ]φ τα[λάντων - - -] ἀνέθηκε].

Большая часть восстановлений предложены *exempli gratia*, однако можно считать весьма вероятным, что в начале стоит имя и отчество посвяtitеля, причем они скорее греческие, чем иранские, а в середине – название посвящаемого объекта, т.е. котла.

В 2007 г. вместе с первой формой был обнаружен еще один фрагмент с надписью, очевидно, относящийся к третьей форме. С этим фрагментом сошелся встык фрагмент К из раскопок 2006 г. (рис. 7). На них читаются буквы ΝΔΑΜΕΙΡΟΥ. Скорее всего, это окончание личного имени в генетиве, которое, видимо, принадлежало отцу дедиканта. Имена с таким окончанием в греческом ономастиконе неизвестны. Вероятно, это теофорное имя, второй элемент которого составляет имя иранского божества Митры³⁰. Имена с этим элементом широко представлены в бактрийском ономастиконе, в том числе и во второй части композитов (Ворζομυρο в сурх-котальских надписях и более поздних документах)³¹. В бактрийском имя Митры передается как μυρο, миро, μίρο, μύρο, передача μερο также засвидетельствована³². Использование диграфа ει для передачи долгого /i/, как и смещение ει/i в эллинистических надписях вполне обычно. Аналогичным образом парфянское имя Mīhrdāt передается в греческом пергаменте из Авромана, датированном 88/7 г. до н.э., как Μεϊρι-δάτης (наряду с Μίρα-δάτης, Μίρα-βανδάκου в другом пергаменте из Авромана, датированном 22/1 г. до н.э.)³³. Долгота /i/ в имени Митры, видимо, компенсаторная и развилась в результате упрощения консонантного кластера в бактрийском *miθra > mīhr > mīr. Элемент -vda- перед именем Митры, очевидно, передает суффикс причастия настоящего времени; наиболее вероятно здесь восстановление *Vinda-, «обретающий», как в иранском имени Vinda-farnah (др.-перс. Vindafarnā / Ἰνταφέρνης, парф. Wyndprn(k))³⁴. Элемент Vinda- (οινδο-) очень популярен в бактрийской ономастике: зафиксированы имена οινδ(ο)μαρρο, οινδο,

³⁰ Объяснение предложено П.Б. Лурье, *per litteras*.

³¹ Sims-Williams 2010, 51, 87–92.

³² Davary 1982, 230–231.

³³ Schmitt 1998, 175.

³⁴ Mayrhofer 1979, II/28; Schmitt 1998, 184; Tavernier 2007, 22 (1.2.35).

Рис. 7. Фрагменты формы с надписью (Тахти-Сангин, раскопки 2006 и 2007 гг.) в зеркальном отражении. Фото предоставлено А. Дружининой

οινδοσαναγο, οινδοφρομανο, οινδοφρομανοιατφο; особенно близко реконструируемому имя οινδοφρομοζδο, также содержащее во второй части имя божества³⁵. Схожее образование, но с причастием прошедшего времени того же глагола в первой части засвидетельствовано в среднеперсидском сасанидской эпохи: Vindād-ōhrmazd (ср. Vindād-Gušnasp)³⁶. Имя Митры в этом композите также засвидетельствовано для сасанидской эпохи, но с обратным порядком элементов: Mihr-vindād³⁷; впрочем, и *Vindād-mihr сохранился в Bundādmihṛīya – «Name eines Kurdenstammes in Pars»³⁸. Таким образом, представляется весьма вероятным восстановление здесь бактрийского имени *Wind(a)mī(h)r < *Vinda-miθra, хотя оно и не засвидетельствовано до сих пор в сохранившихся текстах.

Палеография и хронология

Не меньший интерес, чем содержание этих надписей, представляет их палеография. Форма букв на разбираемых надписях довольно необычна и сильно отличается от формы букв на упоминавшемся выше посвящении Атросока. Отчасти это, возможно, связано с материалом, на который нанесены надписи, и с техникой их нанесения. Посвящение Атросока процарапано на миниатюрном известняковом постаменте, в то время как разбираемые надписи нанесены рельефно на восковую матрицу. Если резчик посвящения Атросока стремился к монументализации письма, хотя ряд букв в надписи имеет курсивное написание (*omega*, лунарная *sigma*), письмо надписей на формах для отливки еще ближе к курсиву. Своеобразно написание *альфы*, близкое начертанию на курсивных надписях краской из Ай-Ханума, примерно синхронных нашим надписям (о датировке см. ниже)³⁹. *Альфа* наклонена влево в разной степени (иногда ее левая гаста расположена вертикально, иногда имеет легкое отклонение направо, а в одном случае даже налево; все эти варианты имеют соответствия в курсивных надписях Ай-Ханума). Начертание *эты*, *лю*, *ню* и *пи* с вогнутыми вертикальными гастами также характерно для курсива.

³⁵ Sims-Williams 2010, 108–109.

³⁶ Gignoux 1986, 184.

³⁷ Justi 1895, 217.

³⁸ Justi 1895, 370.

³⁹ Rapin 1992, 95–114, pl. 53–56; Canali De Rossi 2004, 207–217.

Однако своеобразие шрифта этих надписей составляют «квадратные» формы букв, не характерные для курсива (такую форму имеют *омикрон*, *тета*, *сигма*, *эпсилон* и *омега*), а также *ро* с незамкнутой петлей. Такая форма букв находит ближайшие аналогии в ранних памятниках бактрийской письменности. Так, квадратные формы *омикрона*, *теты*, *омеги*, а также *ро* с незамкнутой петлей характеризуют шрифт надписи

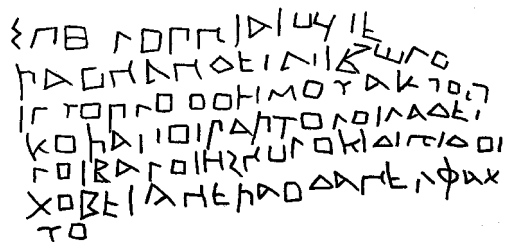

Рис. 8. Надпись из Дашт-и Навура.
По: Sims-Williams, Cribb 1996, fig. 9

из Дашт-и Навура; одновременно в нем представлены и формы букв, восходящие к греческому курсиву (*альфа*, *мю*, *ню*, *пи*), что также сближает эту надпись с надписями на формах из Тахти-Сангина (рис. 8)⁴⁰. Квадратные формы *омикрона*, *сигмы* и *омеги* (наряду с курсивными формами других букв) используются в строительной надписи SK 4 A из Сурх-Котала, надписи SK 1 и некоторых других сурх-котальских надписях⁴¹, а также во фрагментированной бактрийской надписи из Дильберджина⁴². Начертание *альфы* в виде треугольника с отходящей от него справа почти горизонтальной чертой (на фрагменте A формы 2) также имеет аналогии в надписях из Сурх-Котала и на кушанских монетах⁴³.

Таким образом, если бы в нашем распоряжении имелись только палеографические данные, мы бы, скорее всего, датировали надписи на литейных формах близко ко времени надписи из Дашт-и Навура, со шрифтом, которой они обнаруживают наибольшее сходство, т.е. концом I в. н.э. В действительности, однако, эти формы происходят из датированного по археологическим материалам комплекса, что заставляет принять совсем другую дату. Обнаруженная *in situ* часть первой формы находится в яме (VI и VIa), прорезающей слои IX и X. Яма перекрыта слоем IV, в который впущена яма II; расположенная рядом яма V также позже не только слоя IV, но и перекрывающего его слоя, в который она впущена⁴⁴. На основании анализа керамики А. Дружинина датировала комплекс VIa второй четвертью II в. до н.э. — дата этого комплекса определяется как промежуточная между датами комплексов IX и II. Согласно ее мнению, материал из слоя IX, как и материал из ямы II, содержит, наряду с фрагментами, имеющими широкую дату, также фрагменты, характерные для первой половины II в. до н.э. (не позже периода Ай-Ханум 7). При этом фрагменты, относящиеся к более позднему времени, согласно ее определению, в составе комплекса отсутствуют. Единственный фрагмент горшка на трех ножках той формы, которую обычно относят к юэджийскому или раннекушанскому времени (обнаружен в яме II), по технологическим характеристикам она также относит к концу эллинистической эпохи⁴⁵. Н. Бороффка на основании анализа той

⁴⁰ См. несколько отличающиеся друг от друга прорисовки: Fussman 1974, pl. III и Sims-Williams, Cribb 1995/6, 136, fig. 9. Согласно Симс-Уильямсу, форма *ро* с незамкнутой петлей используется в надписи постоянно, тогда как, согласно Фусману — наряду с замкнутой формой.

⁴¹ Benveniste 1961, 114–152, pl. I–IV; Humbach 1966–1967, Taf. 17–21; Schlumberger, Le Berre, Fussman 1983, 134–138, pl. 72.

⁴² Лившиц, Кругликова 1979, 98–112.

⁴³ Humbach 1966–1967, Taf. 1.

⁴⁴ Druzhinina 2008, 122–125; Дружинина, Худжогелдиев 2009, 108–113.

⁴⁵ Druzhinina 2008, 132–133; Дружинина, Худжогелдиев 2009, 120–122.

же керамики предполагает скорее дату между серединой и концом II в. до н.э., но и он считает невозможным датировать как керамику, так и бронзолитейные формы, происходящие из этого комплекса, более поздним временем⁴⁶. П. Бернар⁴⁷, однако, считает имеющийся керамический материал недостаточным для определения датировки данного комплекса и предлагает для него более позднюю дату, середину I в. н.э., основываясь на сопоставлении надписей на формах с упомянутыми выше бактрийскими надписями.

Следует отметить, что, несмотря на вычлняемые стратиграфически разные комплексы, по-видимому, заполнение раскрываемого на раскопах 17 и 18 котлована относительно гомогенно с хронологической точки зрения, поскольку оно связано с функционированием здесь бронзолитейной мастерской, вряд ли существовавшей длительный период времени. Датировка этой мастерской второй половиной II в. до н.э. нашла подтверждение при раскопках 2009 г. В составе того же комплекса, в слое, более раннем, чем яма VI (примерно на 1 м глубже), была обнаружена тетрадрахма Гелиокла I, последнего греко-бактрийского царя (ок. 145 – ок. 130 гг. до н.э.)⁴⁸. Конечно, монета может дать лишь *terminus post quem* соответствующего комплекса, однако ее хорошая сохранность свидетельствует о том, что она недолго была в обращении. Таким образом, слой X, который прорезает яма VI, не может датироваться раньше третьей четверти II в. до н.э., но вряд ли может быть и значительно более поздним. Состав керамики в яме II не отличается существенно от состава керамики в этом слое. Поэтому представляется вероятным, что яма VI, а соответственно и фрагменты литейных форм, должна относиться ко второй половине II в. до н.э. Эту дату подтверждают и результаты радиоуглеродного анализа 9 образцов, происходящих из бронзолитейной мастерской⁴⁹. Во-первых, они подтверждают хронологическую гомогенность вскрытых здесь комплексов: образцы, происходящие из поздней ямы V, из комплекса VIa (место находки формы), из слоя X и лежащих ниже слоев, а также три образца из раскопа 17, дают очень близкий результат. Во-вторых, калиброванная дата этих образцов 1σ (вероятность 68,2%) указывает на три последних четверти II в. до н.э., а дата 2σ (вероятность 95,4%) – на II – первую половину I в. до н.э.; ни одна дата не выходит за пределы середины I в. до н.э. Что касается образца из комплекса VIa, он дает дату 2σ (вероятность 95,4%) 166 г. до н.э. – 46 г. до н.э. Итак, следует исходить из датировки фрагментов литейных форм, обнаруженных на Тахти-Сангине, второй половиной II в. до н.э., менее вероятно – первой половиной I в. до н.э.

В действительности этот вывод вовсе не так сильно противоречит данным палеографии, как это кажется на первый взгляд. Конечно, ближайшая аналогия тах-

⁴⁶ Boroffka, Ivantchik, Mei in print; ср. Drujinina, Boroffka 2006, 69, fig. 6–7 и статью Н. Бороффки и Цзян Цзун Мэя в этом номере.

⁴⁷ Его соображения включены в виде специального комментария в корпус Ж. Ружмона: Rougemont sous presse, No. 96bis, который также принимает эту датировку. Благодарю П. Бернара, приславшего мне эту заметку до ее публикации, а также другие соображения относительно датировки этого комплекса. В настоящее время (май 2011 г.) его позиция относительно возможности археологической датировки комплекса стала еще более скептической: «en attendant la fin de la fouille dans ce secteur il faut s'abstenir de toute conclusion stratigraphique» (per litteras), что представляется мне излишне пессимистичным.

⁴⁸ Благодарю проф. Хаидзуме Инагаки (Музей Мико), сообщившего мне об этой находке и приславшего фотографию монеты до ее публикации.

⁴⁹ Kuwabara in print. Благодарю Х. Инагаки, приславшего мне рукопись этой статьи до ее публикации.

ти-сангинским надписям – это бактрийская надпись из Дашт-и Навура, датируемая 93 г. н.э. Однако ряд данных подтверждает гипотезу о том, что «квадратное» греческое письмо, которое легло в ее основу, применялось в Бактрии задолго до того, возможно, еще до падения Греко-Бактрийского царства. Отдельные буквы «квадратной» формы встречаются в надписях уже со II в. до н.э. Пожалуй, самым ранним памятником этой группы является надпись из Жига-тепе, где используется «квадратная» форма *сигмы* (наряду с лунарной), но в целом шрифт надписи монументальный, хотя и с некоторым курсивными чертами (*дельта, эта, ти*)⁵⁰. На монетах квадратная форма *сигмы* встречается уже на подражаниях монетам Гелиокла⁵¹, которые вряд ли можно далеко отрывать хронологически от оригиналов, несмотря на то что для них предлагались и значительно более поздние даты⁵². Вероятно, около того же времени датируются и две монеты нового типа с именем «царя Гелиокла», на которых четко различим квадратный *омикрон* (надпись в обоих случаях сохранилась частично, но восстанавливается довольно надежно), происходящие с городища Кампыртепа и впервые публикуемые в этом номере⁵³. Авторы публикации приводят большой список монет I в. до н.э., убеждающий в том, что квадратный *омикрон* широко использовался в это время на монетах Парфии, Бактрии, Арахозии и Гандхары. Использование *ро* с незамкнутой петлей также широко засвидетельствовано на монетах с конца II и в течение I в. до н.э.⁵⁴ На монетах преемственность в использовании этого стиля письма прослеживается от конца греко-бактрийской до начала кушанской эпохи. Так, он появляется в греческих надписях на так называемых монетах Герее, чеканенных в первой половине I в. н.э. («квадратные» *омикрон* и иногда *сигма*, причем в сочетании с курсивной *альфой* и *ро* с незамкнутой петлей, как и в обсуждаемых надписях) (рис. 9). Эти монеты атрибутировались первому кушанскому царю Кужуле Кадфизу или его предшественнику⁵⁵.

Поскольку в нашем распоряжении нет лапидарных надписей из Бактрии второй половины II–I в. до н.э., которые можно было бы сравнить с тахти-сангинскими, можно прибегнуть к аналогиям из более отдаленных регионов эллинистического «Дальнего Востока». В Сузах «квадратные» буквы (*омикрон*, иногда *фи* и *ро*, затем *сигма* и *омега*) широко используются в надписях начиная с I в. до н.э.⁵⁶ Правомерность этой аналогии, несмотря на значительное расстояние между Сузами и Тахти-Сангином, подтверждается тем фактом, что и в шрифте надписей на монетах, чеканенных в это время в Парфии, Бактрии, Арахозии и Гандхаре, как указывалось выше, имеется ряд общих черт.

⁵⁰ Canali De Rossi 2004, 196, No. 304; Rougemont sous presse, No. 91, с предшествующей литературой; автор датирует ее даже концом III – началом II в. до н.э.

⁵¹ Ртвеладзе, Пидаев 1981, 28; Зеймаль 1983, 114–115.

⁵² См., например, Зеймаль 1983, 117–125.

⁵³ См. статью Э.В. Ртвеладзе и А.Н. Горина «Эллинистические монеты Кампыртепа», кат. № 29–30. Авторы относят эти монеты к гипотетическому царю Гелиоклу III и датируют I в. до н.э.

⁵⁴ Довольно многочисленные примеры приводит П. Бернар в своей заметке по поводу надписи из Тахти-Сангина: Rougemont sous presse, No. 96bis.

⁵⁵ Alram 1986, 294–295, Taf. 40, Nr. 1263–1268; Cribb 1993, 107–134.

⁵⁶ Canali De Rossi 2004, 115–124, No. 207, 208, 213–215, 218–220; Rougemont sous presse, No. 3 ff., с литературой. Ср. надпись из Бахрейна, относящуюся, видимо, к I в. до н.э., где использованы «квадратные» *омикрон*, *тета*, *сигма* и *ро* (Canali De Rossi 2004, 252–253, No. 431).

Рис. 9. Монеты Гереея. По <http://www.coinindia.com/galleries-heraios.html>

Таким образом, можно заключить, что та форма греческого письма, которая легла в основу бактрийской письменности («квадратные» буквы в сочетании с курсивными, *rho* с незамкнутой петлей), начала использоваться в Бактрии уже во второй половине II в. до н.э. – первой половине I в. до н.э., в конце существования Греко-Бактрийского царства или вскоре после его падения. Такая форма письма просуществовала до кушанской эпохи, когда вновь засвидетельствована монетами Гереея, а затем была использована для создания письменности на бактрийском языке не позже эпохи Вима Такту. Видимо, такая необычная форма греческих букв считалась престижной, поскольку она активно использовалась в ранних лапидарных надписях на бактрийском языке. Другой стиль письма, использующий округлые буквы (например, в надписи из Рабатака и в части надписей Сурх-Котала), видимо, восходит непосредственно к греческому курсиву.

Вплоть до создания бактрийского письма греческий, очевидно, оставался в Бактрии единственным письменным языком, хотя можно предполагать, что он все больше выходил из повседневного употребления как язык разговорный. Разобранная надпись из Тахти-Сангина достаточно красноречиво свидетельствует о том, насколько далеко этот процесс зашел уже к концу существования Греко-Бактрийского царства. Даже на таких престижных предметах, как посвящаемый в святилище большой бронзовый котел, не всегда удавалось нанести надпись на мало-мальски грамотном греческом языке. Посвятитель котла, по всей видимости, был бактрийцем, и можно предполагать, что в ираноязычной среде и раньше разговорный греческий язык не был широко распространен. Однако при такой ситуации ожидалось бы, что составление надписи в важных случаях, вроде посвящения в храм, поручалось специалистам, хорошо знающим язык, вероятнее всего, этническим грекам. Очевидно, в данном случае такого специалиста в храме Окса не нашлось, что само по себе достаточно красноречиво. Надпись составлялась или самим посвятителем, или другим бактрийцем, знавшим греческий язык и грамоту, но владевшим ими не вполне свободно.

Надпись на известняковой чаше

Из Тахти-Сангина происходит и еще одна надпись того же или несколько более раннего времени, которую можно интерпретировать как первую известную попытку передачи бактрийских слов греческими буквами. Этот текст был обнаружен при раскопках 1999 г. и предварительно опубликован А. Дружининой двумя годами позже⁵⁷ (рис. 10–11). Текст нанесен на большую чашу из белого известняка, очевид-

⁵⁷ Drujinina 2001, 263, Abb. 5–6; Rougemont sous presse, No. 96. Ср. Canali De Rossi 2004, 199, No. 312, который читает Υ ΟΞΟΙ ΟΞ[ ], не предлагая никакого объяснения, кроме того,

но, культового назначения, от которой сохранилось 5 фрагментов, обнаруженных во вторичном использовании: в вымостке водостока второго строительного периода⁵⁸. По верхнему краю чаши глубоко и довольно аккуратно процарапаны две надписи, разделенные промежутком в 15 см. Способ нанесения надписи и форма букв близки другому памятнику греческой письменности, происходящему с Тахти-Сангина: уже упоминавшемуся посвящению Атросока, сделанному на известняковом миниатюрном постаменте, увенчанном бронзовой статуэткой играющего на авлосе силена Марсия. Опубликовавшие эту надпись Б.А. Литвинский, Ю.Г. Виноградов и И.Р. Пичикян датируют ее первой половиной II в. до н.э. на основе палеографии и иконографии изображения Марсия⁵⁹. Надпись на каменной чаше должна быть, очевидно, отнесена к близкому времени, хотя ни несколько более раннюю, ни несколько более позднюю дату нельзя исключить.

Первая из надписей на чаше сохранилась полностью и была прочитана ее первым издателем ΥΟΞΟΙ, от второй сохранились лишь первые две буквы: ΟΞ, затем идет облом. С пониманием второй надписи проблем не возникает – она легко восстанавливается как *ΟΞ[ω] или *ΟΞ[ου], т.е. имя божества в дативе или генетиве, по аналогии с упомянутым посвящением Атросока. Главную проблему составляет первая надпись. Сочетание букв ΥΟΞΟΙ представляется бессмысленным. Видимо, по этой причине Ф. Грене⁶⁰ предложил недавно читать первое слово надписи как ΘΕΟΥ с ремаркой «corrected from the original exhibited in the Dushanbe museum». Разумеется, такое чтение сильно облегчило бы понимание памятника, сделав надпись вполне банальной («бога Окса»). Однако оно не подтверждается ее изучением. Во-первых, автор никак не объясняет первый *ипсилон* – его существование им просто игнорируется. Что касается второй буквы, то внутри ее окружности нет никаких признаков горизонтального штриха (для этого периода характерно написание *тетты* именно с горизонтальным штрихом, а не с точкой). Далее, *кси* читается совершенно четко, средняя гаста несколько короче верхней и нижней, при этом все три прочерчены четко и глубоко, глубже в центре, чем по краям; какие-либо следы вертикальной гасты отсутствуют. Наконец, и последнюю букву невозможно толковать как *ипсилон*. На опубликованной в первом издании фотографии действительно у верхнего конца *иоты* слева можно различить косую черту. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что это случайная царапина, гораздо меньшей глубины, чем процарапанные буквы. Она идет слева направо и сверху вниз и пересекает верхнюю часть *иоты*, продолжаясь справа от нее (рис. 11)⁶¹.

Более внимательное рассмотрение надписи показало наличие еще одной буквы перед *ипсилон*. На некоторых фотографиях здесь различим *омикрон* того же размера, что второй *омикрон* в последовательности букв ΥΟΞΟΙ (первый имеет большие размеры). По моей просьбе А. Дружинина проверила это предположение, еще раз изучив чашу в Национальном музее в Душанбе; осмотр чаши на выставке в Маннгейме в сентябре 2009 г. также позволил его подтвердить. Буква прочерчена не так глубоко, как другие буквы надписи; кроме того, поверхность чаши в этом месте затерта, что делает ее хуже различимой. Перед *омикроном* никаких следов

что это посвящение Оксу, а также Hansen, Wiczorek, Tellenbach 2009, 366, Kat. Nr. 264, с хорошей фотографией.

⁵⁸ Drujinina 2001, 263, Abb. 8.

⁵⁹ Литвинский, Виноградов, Пичикян 1985.

⁶⁰ Grenet 2005, 377.

⁶¹ Cp. Drujinina 2008, 122, n. 5.

Рис. 10. Фрагмент чаши с надписью
(Тахти-Сангин, раскопки 1999 г.).

Фото Г. Линдстрем. По: Hansen, Wiczorek, Tellenbach 2009, 366, № 264

Рис. 11. Фрагмент надписи на чаше
(Тахти-Сангин, раскопки 1999 г.).
Фото предоставлено А. Дружининой

других букв не обнаружено. Таким образом, надпись следует читать:

vac. ΟΥΟΞΟΙ *vac.* Ὅξ[ωι *vel* ου]

Мы должны, следовательно, попытаться истолковать первое слово надписи исходя из зафиксированного на камне чтения, даже если оно кажется бессмысленным. Напрашивается предположение, что на каменном блюде дважды повторно имя божества, которому был посвя-

щен храм – Окса. Однако чем можно объяснить его странное оформление в первом случае? На мой взгляд, перед нами попытка транскрибировать греческими буквами бактрийское имя божества, которое было написано рядом с его обычной греческой формой⁶². Греческое Ὅξος, как известно, передает иранское *waxš(u) < древнеиранское *waxšu- (бактрийское ОАХРО). Можно предположить, что рядом с обычным греческим написанием имени божества было написано его имя в форме, которая должна была передавать его местное иранское (бактрийское) произношение. Для своего эксперимента автор надписи использовал единственную известную ему форму письма – греческий алфавит.

Если это так, то ΟΥΟ передает иранское *wa-. Передача иранского v- греческим ου- довольно обычна, см., например, передачу в сарматских именах *vahu- – Ουαῳζακος, Αρσηουαχος (наряду с Οχῳδιακος, Οχοζιακος, Ουχοζαγος, Οχοαρζανης, Αρσηαχος, Αρσηοχος), *varāza, *vārz- – Ουαραζακος (наряду с Αυραζακος), Ουαρζβαλος (наряду с Οαροζβαλακος)⁶³ и др. Хотя иранское /a/ обычно передается *альфой*, однако его передачи *омикроном* тоже известны (например, в только что упомянутом сарматском имени Οαροζβαλακος, ср. *Arvanta-, *Arvantapāta- – Ὁρόντης,

⁶² Ж. Ружмон отмечает (Rougemont sous presse, No. 96), на мой взгляд справедливо, что две надписи нанесены разными резчиками, что подтверждает предложенную здесь интерпретацию.

⁶³ Zgusta 1955, 72–73, 125–127, 130–131; Абаев 1979, 307. Ср. Тохтасев 2007, 109, прим. 185.

Ὀροντολάτης / Ὀροντοβάτης⁶⁴), в том числе в сочетании *va-: Βορυσθένης – *varu-stāna⁶⁵. В интересующем нас случае передача /a/ *омикроном*, скорее всего, объясняется тем, что начальный *v-, очевидно, придавал ему огубленность. Тот факт, что иранское *va- в греческом часто передается *омикроном*, как в имени Окса, упомянутых выше сарматских именах и других случаях (*Vanafarnah- – Ὀνοφέρνης, *Varufarnah- – Ὀροφέρνης и др.) свидетельствует о таком огубленном произношении. В самих бактрийских текстах есть примеры, когда *wa- передается не обычным сочетанием оа-, а оо-: оооаро при обычном оаоаро (< *wāwar-), оолаχo (топоним Walakh) наряду с оαλαχo-σιγo (житель Walakh), оло, оол- (в композитах), ‘жена’ < *wadū-⁶⁶.

Передача иранского х̌ греческим *кси* совершенно закономерна – именно так это сочетание передается в греческих текстах. Что касается последних двух букв, то здесь ожидается передача прямого или косвенного падежа, которые во II в. до н.э. и даже в еще более позднее время, вплоть до эпохи Хувишки, еще различались в бактрийском языке⁶⁷. Дифтонг оi в эпоху эллинизма, по-видимому, уже ассимилировался в препалатальный долгий /ō/, а впоследствии стал произноситься еще более закрыто, как /ū/, в результате чего стал смешиваться с *ипсилон*. Произношение этого сочетания как /i/, характерное для новогреческого, относится уже к византийской эпохе и здесь в расчет приниматься не может⁶⁸. Первые свидетельства смешения оi с *ипсилоном* и соответственно его произношения как /ū/ в египетских папирусах относятся уже к концу III в. до н.э.⁶⁹ Можно предполагать, что носители греческого языка в Бактрии второй половины II в. до н.э. и позже произносили оi как /ū/; бактрийцы, очевидно, воспринимали этот звук как свое /u/ (ср. выше) и соответственно могли использовать этот диграф для его передачи. В таком случае теоним Окс стоит здесь в прямом падеже. В бактрийских документах, относящихся к значительно более позднему времени, -oi часто используется для передачи конечного /w/ и /u/, в некоторых документах довольно последовательно⁷⁰. Выбор именно этого диграфа для обозначения конечных /w/ и /u/, конечно, не случайность. Если предложенное здесь толкование надписи верно, мы имеем дело с первым известным случаем такого его использования.

Таким образом, можно предполагать, что перед нами первая известная попытка письменной фиксации бактрийского языка. Видимо, речь идет об экспериментировании в двуязычной греко-бактрийской среде, где значение греческого языка постепенно уменьшалось. В этих условиях некий бактриец, посвятивший в храм каменное блюдо или входивший в храмовый персонал, решил написать на нем имя бога Окса не только по-гречески («Оксу» или «Окса»), как это было общепринято, но и попытался греческими буквами передать его звучание на своем родном языке. Эта своеобразная билингва возникла, разумеется, лишь как результат окказионального экспериментирования, но по-видимому, благодаря подобным экспериментам через какое-то неизвестное нам время и возникла бактрийская письменность, взявшая за основу греческое письмо.

⁶⁴ Hinz 1975, 38; Tavernier 2007, 114.

⁶⁵ Vasmer 1923, 65–66; Абаев 1979, 308; Mayrhofer 2006, 11.

⁶⁶ Sims-Williams 2000, 209, 214; 2007, 241, 248.

⁶⁷ Sims-Williams 1989, 234–235.

⁶⁸ Lejeune 1972, 231.

⁶⁹ Mayser, Schmoll 1970, 89–90.

⁷⁰ Sims-Williams 2007, 40.

Литература

- Абаев В.И. 1979: Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки / В.И. Абаев, М.Н. Боголюбов, В.С. Расторгуева (ред.). М., 272–364.
- Вексина М. 2010: Лингви[ни]стический и палеографический анализ греческой надписи с посвящением Оксу на глиняной форме для отливки сосуда // Археологические работы в Таджикистане. 34, 226–240.
- Дружинина А.П. 2005: Предварительные результаты раскопок на городище Тахти-Сангин в 2004 году // Археологические работы в Таджикистане. 30, 86–105.
- Дружинина А.П., Худжагелдиев Т.У. 2009: Отчет о раскопках на площади храма Окса на городище Тахти-Сангин в 2007 г. Продолжение работ в раскопах храм № 17 и 18 // Археологические работы в Таджикистане. 33, 107–136.
- Зеймаль Е.В. 1983: Древние монеты Таджикистана. Душанбе.
- Лившиц В.А., Кругликова И.Т. 1979: Фрагменты бактрийской монументальной надписи из Дильберджина // Древняя Бактрия. Материалы советско-афганской экспедиции. Вып. 2 / И.Т. Кругликова (ред.). М., 98–112.
- Литвинский Б.А. 2001: Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). 2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М.
- Литвинский Б.А. 2010: Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). 3. Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. М.
- Литвинский Б.А., Виноградов Ю.Г., Пичикян И.Р. 1985: Вотив Атросока из храма Окса в Северной Бактрии // ВДИ. 4, 84–110.
- Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. 2000: Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). 1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. М.
- Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. 2003: Этимологический словарь иранских языков. Т. 2, b-d. М.
- Ртвеладзе Э.В., Пидяев Ш.Р. 1981: Каталог древних монет Южного Узбекистана. Ташкент.
- Тохтасьев С.Р. 2005: Проблема скифского языка в современной науке // Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest. Iaşi, 59–108.
- Тохтасьев С.Р. 2007: Из ономастики Северного Причерноморья. XX. Заметки по морфологии // ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ. Антиковедческо-историографический сборник памяти Я.В. Домнского. СПб., 82–118.
- Alram M. 1986: Nomina propria iranica in nummis. Materialgrundlagen zu den iranischen Personennamen auf antiken Münzen (Iranisches Personennamenbuch, IV). Wien.
- Bartholomae Chr. 1904: Altiranisches Wörterbuch. Strassburg.
- Benveniste E. 1961: Inscriptions de Bactriane // JA. 249, 113–152.
- Bohn R., Schuchhardt C. 1889: Altertümer von Aegae (Jahrbuch von DAI, Ergänzungsheft, 2). B.
- Boroffka N., Ivantchik A., Mei J. in print: Technology Transfer in Central Asia – Chinese, Greek and Scytho-Saka Interactions in Casting Technology // International Symposium on Qin Period Metallurgy and its Social and Archaeological Context. Xi'an, April 6th – 9th 2011.
- Brixhe C. 1987: Essai sur le grec anatolien au début de notre ère. Nancy.
- Canali De Rossi F. 2004: Iscrizioni dello Estremo Oriente greco. Un repertorio (Inscripfen griechischer Städte aus Kleinasien, 65). Bonn.
- Cheung J. 2007: Etymological Dictionary of the Iranian Verb (Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series, 2). Leiden–Boston.
- Cribb J. 1993: The Heraeus Coins: their Attribution to the Kushan King Kujula Kadphises, c. AD 30–80 // Essays in Honour of Robert Carson and Kenneth Jenkins / M. Price, A. Burnett, R. Bland (eds.). L., 107–134.
- Cribb J. 1998: The End of Greek Coinage in Bactria and India and its Evidence for the Kushan Coinage System // Studies in Greek Numismatics in Memory of Martin Jessop Price / R. Ashton, S. Hurter, G. Le Rider, R. Bland (eds.). L., 83–98.
- Davary G.D. 1982: Baktrisch. Ein Wörterbuch auf Grund der Inschriften, Handschriften, Münzen und Siegelsteine. Heidelberg.
- Dressler W. 1965: Der Untergang des Dativs in der anatolischen Gräzität // Wiener Studien. 78, 83–107.
- Drujinina A. 2001: Die Ausgrabungen in Taxt-i Sangin im Oxos-Tempelbereich (Süd-Tadžikistan) // AMIT. 33, 257–282.

- Drujinina A.* 2008: Gussform mit griechischer Inschrift aus dem Oxos-Tempel // AMIT. 40, 121–135.
- Drujinina A.P., Boroffka N.R.* 2006: First Preliminary Report on the Excavations at Takht-i Sangin 2004 // Bulletin of Miho Museum. 6, 57–69.
- Drujinina A.P., Inagaki H., Hudjageldiev T., Rott F.* 2009: Excavations of Takht-i Sangin City, Territory of Oxus Temple, in 2006 // Bulletin of Miho Museum. 9, 59–84.
- Druzhinina A.P., Khudzhageldiyev T.U., Inagaki H.* 2010: Report of the Excavations of the Oxus Temple in Takhti-Sangin Settlement Site in 2007 // Bulletin of Miho Museum. 10, 63–82.
- Fussman G.* 1974: Documents épigraphiques kushans // Bulletin de l'École Française d'Extrême-Orient. 51, 1–66.
- Fussman G.* 2001: L'inscription de Rabatak, la Bactriane et les Kouchans // La Bactriane au carrefour des routes et des civilisations de l'Asie Centrale: Termez et les villes de Bactriane – Tokharestan / P. Leriche, Ch. Pidaev, M. Gelin, K. Abdoullaev, V. Fourniau (éds.). P., 251–292.
- Gauer W.* 1991: Die Bronzegefäße von Olympia, mit Ausnahme der geometrischen Dreifüße und der Kessel des orientalischen Stils. Teil I. Kessel und Becken mit Untersätzen, Teller, Kratere, Hydrien, Eimer, Situlen und Cisten, Schöpfungumpen und verschiedenes Gerät (Olympische Forschungen, 20). B.–N.Y.
- Gharib B.* 1995: Sogdian Dictionary. Sogdian-Persian-English. Tehran.
- Gignoux Ph.* 1986: Noms propres sassanides en Moyen-Perse épigraphique (Iranisches Personennamenbuch, II, 2). Wien.
- Grenet F.* 2005: The Cult of Oxus: a Reconsideration // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов. Археология, история, этнология, культура / В.П. Никонов (ред.). СПб., 377–378.
- Hansen S., Wiczorek A., Tellenbach M.* (Hrsg.) 2009: Alexander der Grosse und die Öffnung der Welt. Asiens Kulturen im Wandel (Publikationen der Reiss-Engelhorn-Museen, 36). Mannheim–Regensburg.
- Herrmann H.-V.* 1966: Die Kessel der Orientalisierenden Zeit. I. Kesselattaschen und Reliefuntersätze (Olympische Forschungen, 6). B.
- Hinz W.* 1975: Altiranisches Sprachgut der Nebenüberlieferungen. Wiesbaden.
- Humbach H.* 1966–1967: Baktrische Sprachdenkmäler. Teil I–II. Wiesbaden.
- Humbert J.* 1930: La disparition du datif en Grec (du Ier au Xe siècle). P.
- Justi F.* 1895: Iranisches Namenbuch. Marburg.
- Kuwabara Ya.* in print: Radiocarbon Dating of Carbonized Samples Excavated from Takht-i Sangin, Tajikistan // Bulletin of Miho Museum. 11.
- Lejeune M.* 1972: Phonétique historique du Mycénien et du Grec ancien. P.
- Litvinskij B.A., Pičikjan I.R.* 2002: Taxt-i Sangin, Der Oxus-Tempel. Grabungsbefund, Stratigraphie und Architektur (Archäologie in Iran und Turan, 4). Mainz.
- Loeschner H.* 2008: Notes on the Yuezhi – Kushan Relationship and Kushan Chronology // Journal of Oriental Numismatic Society (http://www.onsnumis.org/publications/Yuezhi-Kushan_Hans-Loeschner_2008-04-15.pdf).
- Marquart J.* 1905: Untersuchungen zur Geschichte von Eran. II // Philologus. Supplbd. 10, 1. Lpz, 1–258.
- Masson O.* 1994: Nouvelles notes d'anthroponymie grecque // ZPE. 102, 167–184.
- Mayrhofer M.* 1979: Die altiranischen Namen (Iranisches Personennamenbuch, I). Wien.
- Mayrhofer M.* 2006: Einiges zu den Skythen, ihrer Sprache, ihrem Nachleben (Veröffentlichungen zur Iranistik). Wien.
- Mayser E.* 1934: Grammatik der griechischen Papyri aus der Ptolemäerzeit. Bd II, 2. Satzlehre. Analytischer Teil zweite Hälfte. B.–Lpz.
- Mayser E., Schmoll H.* 1970: Grammatik der griechischen Papyri aus der Ptolemäerzeit. Bd I. Einleitung und Lautlehre. B.
- Rapin C.* 1992: Fouilles d'Aï Khanoum. VIII. La trésorerie du palais hellénistique d'Aï Khanoum. L'apogée et la chute du royaume grec de Bactriane (Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan, 33). P.
- Rougemont G.* sous presse: Inscriptions grecques d'Iran et d'Asie Centrale (Corpus Inscriptionum Iranicarum). Oxf.
- Salomon R.* 2005: The Indo-Greek Era of 186/5 B.C. in a Buddhist Reliquary Inscription // Afganistan: Ancien carrefour entre l'Est et l'Ouest. Actes du colloque international / O. Bopearachchi, M.-F. Boussac (éds.). Turnhout, 359–401.

Schlumberger D., Le Berre M., Fussman G. 1983: Surkh Kotal en Bactriane. Vol. I. Les temples: architecture, sculpture, inscriptions (Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan, 25). P.

Schmitt R. 1998: Parthische Sprach- und Namenüberlieferung aus Arsakidischer Zeit // Das Partherreich und seine Zeugnisse / J. Wiesehöfer (Hrsg.) (Historia Einzelschriften, 122). Wiesbaden, 163–204.

Schmitt R. 2003: Die skythischen Personennamen bei Herodot // AION. 63, 1–31.

Sims-Williams N. 1989: Bactrian // Compendium Linguarum Iranicarum / R. Schmitt (Hrsg.). Wiesbaden, 230–235.

Sims-Williams N. 2000: Bactrian Documents from Northern Afghanistan. I. Legal and Economic Documents (Studies in the Khalili Collection, III; Corpus Inscriptionum Iranicarum, II, 6). Oxf.

Sims-Williams N. 2004: Recent Discoveries in the Bactrian Language and their Historical Significance. Lecture Given at the University of Kabul on 19 May 2003. Kabul.

Sims-Williams N. 2007: Bactrian Documents from Northern Afghanistan. II. Letters and Buddhist Texts (Studies in the Khalili Collection, III; Corpus Inscriptionum Iranicarum, II, 3). L.

Sims-Williams N. 2010: Bactrian Personal Names (Iranisches Personennamenbuch, II, 7; Iranische Onomastik, 7). Wien.

Sims-Williams N., Cribb J. 1995/6: A New Bactrian Inscription of Kanishka the Great // Silk Road Art and Archaeology. 4, 75–142.

Tavernier J. 2007: Iranica in the Achaemenid Period (ca. 550–330 B.C.). Leuven–Paris–Dudley MA.

Vasmer M. 1923: Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. I. Die Iranier in Südrussland. Lpz.

Zgusta L. 1955: Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha.

NEW GREEK INSCRIPTIONS FROM TAKHTI SANGIN AND THE PROBLEM OF THE ORIGIN OF BACTRIAN SCRIPT

A. I. Ivantchik

During the excavations at Takht-i Sangin (temple of Oxos) in 2004–2007 a bronze casting workshop was discovered, its materials including several moulds for casting cauldrons. Some of the moulds bear Greek dedicatory inscriptions, one of which is preserved in full. Its author had an Iranian name and held a post which presumably means «seal keeper». Multiple irregularities in its Greek language must be due to the Bactrian-speaking environment. The material of the workshop, including the moulds with inscriptions, is dated to the second half of the 2nd century or, less probably, to the first half of the 1st century BC. The script of the inscriptions is very unusual («square» characters together with cursive ones, «rho» with open loop), but it has close parallels in early inscriptions of the Kushan period (the late 1st century AD). Thus, the form of Greek script which served as a basis for Bactrian script began to be used in Bactria as early as the second half of the 2nd century BC, in the later period of Greco-Bactrian Kingdom or shortly after its fall. Another inscription from Takht-i Sangin was made on a stone bowl and may be dated to the 2nd century BC. The bowl was inscribed with the name of Oxos in its usual Greek form and in the form which is explained as rendering of its Bactrian pronunciation in Greek letters. Probably, this is the earliest known attempt of written fixation of the Bactrian language, an experiment in bilingual Greco-Bactrian society, where the importance of the Greek language was gradually decreasing.